

Античное языкознание

В европейской историографии под античностью (лат. *antiquitas* – древность, старина) чаще всего понимают мир греко-латинской цивилизации, хронологические рамки которой приложимы к Древней Греции (по IV в.н.э.) и Древнему Риму (по V в. н.э.). В более широком смысле под античностью понимают культуру, формирующуюся при становлении любой цивилизации: время создания религии и философии, время образования государств и формирования их идеологий, время формирования отдельных видов искусств: архитектуры, скульптуры, музыки, живописи и т.п., время становления письменности и литературы.

Теория именования. Античная языковедческая мысль средиземноморской цивилизации первоначально являлась составной частью философии, что вытекало из мирозерцания античных мыслителей, рассматривавших космос, природу и человека как единое целое. Одной из самых важных частей античной философии была теория именования, которая в своем основном содержании едина в различных культурных традициях – индийской, китайской, греко-латинской, что, вероятно, вызвано общностью взглядов на слово как мировой разум, или логос, и как начало, образующее разумность отдельного человека.

В сжатом виде эти взгляды характеризуются следующим образом. Слово дает возможность человеку постигать и объяснять мир, приобретать знания, упорядочивать социальную деятельность людей. С его помощью человек учится правильному поведению, этике взаимоотношений, формирует сакральный опыт. Именуя вещь, слово выступает в качестве орудия, с помощью которого производится действие с именованной вещью. Именование вещи в процессе речи всегда вызывает к жизни то или иное отношение одних вещей к другим, одних людей к другим или вещей к людям, вызывает действие или становление чего-то. В силу орудности и всеобъемлющего начала слово требует к себе особенно внимательного отношения. Его нужно правильно создавать и применять, так как в противном случае нарушится порядок в обществе. Человек не должен произносить неправильных слов. Тот, кто в своих делах употребляет слова в правильном значении, хорошо разбираясь в тонких оттенках смысла, всегда побеждает в последующем мире. Таким образом, общий смысл теории именования состоял в умении устанавливать гармоническую целесообразность общества и мировой порядок одновременно. Практическим центром теории именования было умение дать правильное имя (...).

Теория именования разделила античных мыслителей на два лагеря. С одной стороны выдвигался термин “*physei*” (фюзей) ‘по природе’, то есть утверждалось, что наименование определяется самой природой предмета.

Сторонники другой точки зрения придерживались термина “thesei” (тезей) ‘по положению’, что означало установление наименования по обычаю, по условному соглашению самих людей без связи с природной сущностью предметов.

Крупнейшие философы античности приняли участие в споре о природе названий. Так, Гераклит (ок. 540 – ок. 480 гг. до н.э.) считал, что каждое имя отражает природу обозначаемой вещи, неразрывно связано с ней и что в именах раскрывается сущность вещей. Более поздняя греко-римская философская школа стоиков также придерживалась убеждения, что слова «изначально истинны», соответствуют истинной сущности обозначаемых ими вещей и что, исследуя слова, можно проникнуть в самую сущность вещей. По их мнению, слова воспроизводят звуки, издаваемые предметами, и выражают те впечатления, которые предметы произвели в душе человека. Стоик Августин отмечал: «...так как есть вещи, которые не звучат, то для них то же значение имеет сходство осязательного воздействия: если они воздействуют на чувства мягко или грубо, то мягкость или грубость букв (древние греки отождествляли звуки и буквы – А.Л.Г.), действующая на слух, породила для них такие же имена... Сами вещи воздействуют так, как ощущаются слова: *mel* (мед) – как сладостно воздействует на вкус сама вещь, так и именем мягко действует на слух; *acre* (острое) в обоих отношениях жестко; *lana* (шерсть) и *verpes* (терп) – каковы для слуха слова, таковы сами предметы для осязания» (...). Стоики же сформулировали так называемый классический семантический треугольник, в котором отражается соотношение между вещью, мыслью о ней и словом, выражающим эту мысль.

Демокрит (ок. 460 – ок. 370 гг. до н.э.) выступал против природной связи между словом и вещью. Он считал, что вещи обозначаются словами не сообразно природе самих вещей, а согласно обычаю, по установлению людей. Прямой характер связи между именем и предметом оспаривался следующими аргументами: 1) наличием в языке омонимов и многозначных слов (если связь имени предмета природная, почему тогда одно и то же слово может связываться с несколькими предметами); 2) наличием в языке синонимов (почему несколько разных слов обозначают один и тот же предмет); 3) возможностью переименования предметов (почему, например, раб при продаже его другому хозяину получает, как правило, новое имя); 4) наличием в окружающей действительности предметов и явлений, которые не имеют названий. Этот спор отражен в диалоге Платона (ок. 427 – 347 гг. до н.э.) «Кратил».

Кратил утверждает, что «у всякого существующего есть правильное имя, врожденное от природы, и что не то есть имя, чем некоторые люди, условившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи, но некое правильное имя врождено и эллинам и варварам, одно и то же у всех» (...).

Противоположную точку зрения в диалоге выражает Гермоген: «Не могу поверить, – говорит он, – что правильность имени состоит в чем-либо ином, чем в договоре и соглашении. Ведь мне кажется, какое имя кто чему установит, таково и будет правильное имя; ведь никакое имя никому не врождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так называют» (...).

Против этих двух точек зрения в диалоге выступает Сократ, который не соглашается как с тем, будто слово всегда отражает сущность предмета, так и с тем, будто связь между предметом и его названием случайна. Он считает, что вначале между звуками слова и обозначаемыми предметами существовала какая-то внутренняя связь, которая впоследствии была утрачена, и связь слова с предметом была закреплена общественной традицией.

Некоторые исследователи видят в этом споре установление важнейшей антиномии лингвистики: условность связи плана выражения с планом содержания языка, каждый из которых имеет разную структуру, но оба не могут существовать один без другого и не могут обнаружить своего строения один без другого. В этом случае для Кратила правильность имени зависит не от звуков, а только от общего смысла слов. Это правильность плана содержания. Для Гермогена, который исходит из действия именования, правильность заключается в законности установления имени. Это правильность плана выражения. Сократ, принимая обе точки зрения на понимание правильности, тем самым утверждает, что есть и правильность плана содержания, и правильность плана выражения. Он также сохраняет за собой возможность выйти за пределы этой антиномии (...).

В диалоге подробно рассматривается, как законодатель должен создавать имена. Ведущим принципом создания имени является изображение, или, выражаясь современным языком, моделирование. По мысли Сократа, «...одни имена составлены из более первичных, а другие являются первыми...» (...). Первичные имена образуются по моделям поведения, действия («...ρ (ро) является как бы орудием всякого движения...») и по моделям мира, чувственного его восприятия («...буква ρο подходит к порыву, движению и жестокости»). Образование производных имен происходит с соблюдением ряда правил: добавлением, вставкой или изъятием звука или тона, сокращением до слова целого предложения, словосочетанием, описательным именованием и т.д.

Теория именования, изложенная в диалоге «Кратил», распадается по смыслу на следующие составные части: об общем соотношении имени и вещи, об установлении соотношения имени и вещи человеком, об изображении как основе соотношений имени и вещи, об основных правилах такого изображения. Деятельность именования рассматривается как необходимая в формировании и развитии общества. Система именования, представленная в диалоге, обобщает существовавшие к тому времени

представления о языковом творчестве как правильном и разумном начале в деятельности человека.

Таким образом, античная теория именования рассматривает слово не только как ведущее начало, образующее разумное вообще, но и как орудие, с помощью которого производится действие с реальным или воображаемым предметом, в деятельности людей возникает именованная словом вещь. Теория именования производит самую общую классификацию слов по реалиям, обозначаемым словами (выделяет имена, называющие признаки вещей и действий), дает краткую систематизацию правил построения языка.

Грамматическое учение. Античное грамматическое учение развивается непосредственно из греческих философских трактатов, формулируя свои собственные цели и задачи. В задачи грамматического искусства входит установление норм литературной речи, обучение умению читать и писать, понимать прочитанное. Для Аристотеля (384 – 322 гг. до н.э.) «грамматика есть искусство понимать поэтов и историков, руководящее главным образом формой речи в соответствии с аналогией и обиходом» (...). Диомед выделяет у грамматики две части – экзегетику и ористику: «Экзегетика – изъяснительная часть, которая касается чтения; ористика – определительная, которая указывает наставления; разделителем – части речи, достоинства и недостатки стиля» (...). Согласно представлениям древних греков, грамматическое искусство отличается от философии и других словесных искусств – риторики, поэтики, логики, стилистики – тем, что оно посвящено, прежде всего, созданию и интерпретации письменных знаков.

Становление грамматического учения в античном мире история языкознания связывает с именем Аристотеля, ученика Платона. Если Платон в теории именования исследует связь между планом выражения и содержания в языке, где главным является правильность имени, то Аристотель по-иному относится к языку как к предмету изучения. По его мнению, слово само по себе не может быть ни истинным, ни ложным, оно есть просто знак-символ представления: «Слова, выраженные звуками, суть символы представлений в душе, а письмена – символы слов» (...). Аристотель полагает, что «истина и ложь состоят в соединении и разъединении», то есть они заключены в построении соединений слов. Эти посылки явились основополагающими для развития как логического, так и лингвистического знания: изучение «соединения» и «разъединения» слов с точки зрения ложности и истинности формирует логику, без отнесенности ко лжи и истине – грамматическое искусство. Аристотель развивает не только логическое учение, но и является основателем логического направления в языкознании.

Исследуя варьирование речевого материала, он выводит инварианты слов, при которых одни и те же психологические представления и понятия остаются неизменными в процессе рассуждения. Варианты слов получают у него название падежей. Они представляют собой все те формальные и

содержательные изменения слов, которые не влияют на логическое истолкование членов суждения, сохраняя неприкосновенным их основной смысл, например: «Филона или же Филону и тому подобные выражения не суть имена, а падежи имен» (...); «Подобным же образом «он был здоров» и «он будет здоров» – не суть глаголы, а падежи глагола и отличаются от глагола тем, что глагол обозначает собой нынешнее время, а падежи – время до и после нынешнего» (...).

Установление общих значений у слов, по которым они соединяются и образуют правильные или неправильные с точки зрения логики суждения, приводит к выделению имени и глагола. Аристотель разграничивает их, прежде всего, как слова, выражающие субъект и предикат суждения.

В «Поэтике» Аристотель выделяет следующие составные части человеческой речи: «Во всяком словесном изложении есть следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение» (...). В его определении элемента как «неделимого звука», но не всякого, а такого, из которого может возникнуть разумное слово», заложено представление, соответствующее современной фонеме. Слог, у Аристотеля, представляет собой сочетание гласного и безгласного элементов, союз и член в современном понимании есть служебные слова, лишённые номинативного значения. Предложение он определяет как «составной звук, имеющий самостоятельное значение, отдельные части которого также имеют самостоятельное значение» (...).

Описание языка, которое дал Аристотель, есть начальный этап развития античной лингвистической теории. Наибольшего расцвета античная лингвистическая традиция достигает в александрийский период, в эллинистическую эпоху (334 – 31 гг. до н.э.) в поселениях греческих колонистов в Александрии (Египет) и Пергаме (на побережье Малой Азии), имевших особое значение для развития филологии. В Александрии и Пергаме были созданы крупнейшие хранилища рукописей – Александрийская и Пергамская библиотеки, в которых было собрано большинство произведений греческой науки и литературы, переводы произведений восточных литератур. В свои лучшие времена, до разгрома Александрии арабами в 642 г. н.э., Александрийская библиотека насчитывала свыше 700000 рукописных свитков. Здесь и работали греческие грамматисты. Они ставили перед собой чисто практические цели: поддержать нормы общегреческого литературного языка, сохранить греческую литературную традицию, составить лексические и грамматические комментарии к произведениям Гомера, Софокла, Эсхила и других авторов и дать этим произведениям филологическое истолкование. Выполнение этих целей требовало уточнения, расширения и описания свода грамматических правил.

Центральным вопросом грамматической теории стало описание системы языка, наиболее адекватное разным текстам. В решении этого

вопроса наметились две сосуществующие тенденции. Сторонники одной из них предлагали описывать формы языка так, чтобы в описании отражался «обычай» их применения, то есть грамматика включала бы в себя все характерные для разных диалектов и сфер использования языка слова и формы. Приверженцы другой тенденции настаивали на нормативности грамматического описания языка. Грамматика должна отражать законы построения правильной речи и указывать на неправильность употребления слов и форм, исходя из некоторых принципов. Первый подход к описанию языка получил название принципа аномалии, второй—принципа аналогии. Основным вопросом спора, касающимся устройства языковой системы, являлось разграничение отношений словоизменения и словообразования и установление отдельности и тождества слов как инвариантных единиц языка.

Этот спор известен нам из трактата «Латинский язык» римского ученого Марка Варрона (116 – 27 гг. до н.э.). Сам Варрон, обращаясь к проблеме аналогии и аномалии, замечает, что «склонение», то есть изменение и производство, слов может быть естественным и произвольным: «Произвольное – это такое, когда каждый склоняет как ему вздумалось» (...); «Естественным склонением я называю такое, которое возникает не от воли отдельных людей, а от общего согласия» (...). Таким образом, произвольное в формах языка опирается на обиход, зависит от каприза употребления, естественное – на общие законы построения языковой системы.

Сторонники аномалии всячески подчеркивали отклонения от закономерностей в самой системе языка. Например, как аномалия могут рассматриваться факты, что словом женского рода *сирота* может обозначаться мальчик, а форма множественного числа *Афины* может служить названием одного города. По мнению «аналогистов», такие отклонения от закономерностей не играют решающей роли в языке, который представляет собой в целом гармоническую систему. Противники нормативной грамматики ссылались на разный речевой обиход греков, различающийся по народностям, городам, профессиям, стилям речи, подчеркивая, что грамматическая аналогия, то есть нормированная речь, имеет мало общего с другой – обычной обиходной речью разных эллинов. Варрон в своем трактате пытается примирить обе точки зрения: «Аналогия, – говорит он, – родилась из некоторого обихода, и из того же обихода – аномалия; следовательно, раз обиход охватывает несходные и сходные слова и их склонения, то не следует отвергать ни аномалию, ни аналогию» (...).

На практике античные грамматисты и последовали этим путем: при создании нормативных грамматик пользовались аналогией, но как можно ближе к обиходу, к речевой практике. Спор об аналогии и аномалии способствовал выработке важнейших грамматических понятий, углубленному изучению языка и на многие годы вперед заложил традиции грамматической теории.

Крупнейшими представителями александрийской школы грамматики являются Аристарх Самофракийский (215 – 143 гг. до н.э.), Дионисий Фракийский (170 – 90 гг. до н.э.) и Аполлоний Дискол (вторая пол. II в. до н.э.). Аристарх вместе со своими учениками составил выверенный полный текст сочинений Гомера. Его ученик Дионисий Фракийский, опираясь на опыт своих предшественников, написал первую грамматику для римлян «Искусство грамматики». Дискол написал сочинение «О синтаксисе», в котором на базе греческого языка создал грамматическую систему, унаследованную нами через латинские и старославянские грамматики. Александрийские грамматисты подробно разработали учение о частях речи, при выделении которых учитывалась их синтаксическая роль, морфологические свойства, в частности словоизменение, а также семантика. Вместе с тем, в отличие от древнеиндийских, они не дошли до анализа морфологической структуры слова, им остались неизвестны понятия корня и аффиксов. В области фонетики александрийские ученые дали подробное описание звуков по их акустическому впечатлению, выделив 17 согласных и 7 гласных звуков и отождествляя при этом звуки и буквы.

Таким образом, греко-латинская грамматическая традиция характеризуется следующими основными особенностями формирования грамматических правил: 1) обращением к авторитетным текстам, общезначимым для всего греко-латинского мира; 2) обращением к языковым формам, наиболее широко представленным в разных диалектах; 3) обращением к эстетическому чувству создателя грамматических правил, творящего по своему разумению образцовую речь на латинском и греческом языках; 4) применением принципа аналогии в соответствии с требованиями экономности речи, правильности и совершенства выражаемой речью мысли (...).

Большой вклад в разработку теоретических вопросов языка внесли Хрисипп (ок. 280 – 208/205 гг. до н.э.) и Кратес Малосский (II в. до н.э.) – представители философской школы стоиков. Исходя из разрабатываемого ими логического принципа двусмысленности явлений, они установили дихотомию между формой и значением в языке и сформулировали так называемый классический семантический треугольник, в котором отражается соотношение между вещью, мыслью о ней и словом, выражающим эту мысль.

Римские античные языковеды, по существу, занимались приложением принципов греческой грамматики к латинскому языку. Наиболее известными римскими грамматистами являются Варрон, автор труда «Латинский язык» в 25 книгах, из которых до нас дошло 6, Донат (IV в. н.э.), автор грамматики латинского языка, сохранившейся в полном и сокращенном вариантах, и Присциан (VI в. н.э.), написавший самую обширную грамматику латинского языка «Грамматическое учение», состоящую из восемнадцати книг. Грамматики Доната и Присциана донесли до нас в латинизированной форме

античную грамматическую терминологию, которая употребляется и в современной лингвистике. Их грамматики стали образцом изложения грамматической системы латинского языка на весь период средневековья.

Античные мыслители сформулировали множество теорий происхождения языка: звукоподражательную – как подражание человека звукам окружающей природы, междометную – как выражение эмоций, внутренних переживаний человека и др. Некоторые античные авторы считали, что язык был создан каким-то одним выдающимся человеком. Против последней возможности выступает римский поэт-философ Тит Лукреций Кар (I в. до н.э.) в поэме «О природе вещей»:

Предполагать, что один кто-нибудь дал названия предметам

И что оттуда уже люди узнали впервые слова все, –

Было б безумно. Как мог бы один человек обозначить

Вещи все голосом и расчленять языком своим звуки,

А в то же время все прочие делать того не умели?

Если б другие притом не умели в сношениях друг с другом

Слов применять, то откуда б явилось познание об этом?

И из чего бы в одном человеке возникла способность

Волю свою выражать, чтоб другие его понимали?

Нет, человек тот единственный не был бы в силах принудить

Толпы людей к повторению данных предметам названий (...).

С деятельностью античных философов и лингвистов связано зарождение этимологии. Теория «природного» характера языка стимулировала поиски «истинности» слов, познание истинного значения слов, их семантической природы. Античные этимологии строились на произвольном разложении и сопоставлении слов, на придании звукам и буквам определенной символики, что без выработки научных принципов этимологического исследования, придавало этимологическим толкованиям субъективный характер. Августин, например, считал, что *bellum* ‘война’ названа так потому, что эта вещь не *bella* ‘прекрасная’. По мнению римского поэта Апулея, происхождение значения слова *hostis* ‘враг’ можно объяснить графически: буква H подобна двуглавному мечу между двумя враждующими сторонами. Фигул утверждал, что *vos* (вы) произносится так потому, что губы выдвигаются в сторону собеседника, в то время как при произнесении *nos* (мы) губы не выдвигаются вперед и вдох удерживается внутри. Подобные произвольные толкования не способствовали развитию этимологии как науки.

В эпоху античности языковедение как наука начинает выделяться из филологии и философии. Грамматика становится самостоятельной

дисциплиной. Грамматические теории античных авторов на много лет вперед определили развитие грамматических учений в Европе, заложив также основы грамматической терминологии. Грамматическая наука «Европы, вплоть до XIX в., основывалась на грамматическом учении греков, в его измененном на римской почве виде; одним из доказательств этого является грамматическая терминология, которая большей частью осталась такой же, как во времена древности; и даже термины, возникшие в более поздние эпохи, являются главным образом только более или менее удачной передачей старого названия и основываются лишь в редких случаях на более новом и лучшем понимании языковой категории» (...).

Особенностью теоретических построений античных авторов являлось то, что языковая база теорий ограничивалась одним языком – греческим или латинским, поскольку все прочие языки считались варварскими и не подлежащими изучению, причем и сами попытки сопоставления греческого и латинского языков остались в зародыше. Правила грамматического искусства создаются только для языка данной культуры. Вместе с тем античная лингвистическая традиция, наряду с древнеиндийской, усвоенной европейским языкознанием несколько позднее, явилась колыбелью европейского языковедения.